

Ф.Е. Мельников

СТРАШНАЯ ГИБЕЛЬ ЗЕМНЫХ БОГОВ

Народы мира вступили в полосу страшных бедствий. Четвертый год они истребляют друг друга. Погибли в крови и огне миллионы лучших сынов воюющих стран. Мировая катастрофа все еще «углубляется». Потоки человеческой крови все дальше и дальше разливаются. И никто не в силах остановить это победоносное шествие по земле кровавой смерти. Она продолжает давить людей своей истребляющей колесницей.

Но вдумались ли гибнущие народы и их правители в смысл и цель совершающихся над ними мировых бедствий? Подумал ли хотя кто-либо из них, что не народы сами собственной силой и своей только волей творят эту убийственную всесокрушающую историю, а кто-то другой, выше их стоящий? По крайней мере — признали ли они хотя бессилие свое повернуть колесо истории в другую сторону? К их невыразимому несчастью, нет! Они все продолжают думать, что только от них зависит устроить мир так, как им хочется. Германия, одержавшая бесконечный ряд побед в бесподобной мировой войне, верит, что она покорит весь мир и продиктует ему свою волю. Тогда повсюду засияет немецкое благополучие. Культура Германии просветит и осчастливит все народы. Непобедимая Англия уверена, что она в дружном единении с своими союзниками заставит гордую своими замыслами Германию сложить у ее ног свои смертоносные орудия. Америка и Япония, ожиревшие от чужого кровопролития, полны неистощимыми запасами сил и энергии, надеются отпраздновать свой пир на костях и трупах Европы. Всероссийский пролетариат, истекающий кровью, крайне несчастный в своем бессилии, кругом обманутый, отуманенный и отравленный несбыточными мечтами, пытается изо всех, уже последних, сил построить не только свое личное счастье, но и счастье всего мира на развалинах гибнущего старого капиталистического строя. Все думают и надеются только своими человеческими силами и средствами построить на земле угодную им жизнь. Свою волю они считают источником и причиной всех совершающихся в мире событий. Они возомнили себя богами, творцами жизни и серьезно уверены, что именно они, а не кто-либо другой, в силах насадить на земле рай. Забыли они тысячелетний предупреждающий голос Господа: «Перестаньте вы надеяться на человека, которого дыхание в ноздрях его: ибо что он значит?» (Ис. 2, 22). Бог неоднократно напоминал еще на заре человеческой истории, что Он — Хозяин земли и Он промышляет о ней. Народы, населяющие землю, должны только исполнять Его заповеди и будут счастливы. К сожалению, они часто презирали волю Божию и полагались на собственные силы. «Моя сила и крепость руки моей приобрели мне богатство сие», — говорили о себе с гордостью древние евреи, указывая на свои приобретения (Втор. 8, 17). «Мы сами себе господа. Мы уже не придем к Тебе», — заявляли израильтяне даже Самому Господу (Иереем. 2, 31) и отвращались от Него. Тогда Господь вразумлял их и смирял всякими бедствиями и наказаниями. По слову св. Иоанна Златоустого, Бог желал, чтобы Его считали причиной не только благ, но и бедствий (Творения Златоуста, т. VI, стр. 158, изд. СПб-й академии). В них выражается Промысел Божий (т. IV, стр. 826). Посредством бедствий Господь вел и ведет народы ко благу, к совершенству и к единению с Собой, в чем заключается конечное и наивысшее счастье человечества. Но люди упорно отвертываются от промысла Божия и идут своим путем, ведущим к гибели. Мировая история полна поучительными примерами несчастий и бедствий народов, отвернувшихся от Господа. «Сеющий грех пожнет беду. Этот вечный нравственный закон, — говорит о нем русский философ Вл. С. Соловьев, — имеет силу не только для отдельных лиц, но и для целых обществ и учреждений человеческих» и, прибавим, для всего человечества (Собр. сочин. Вл. С. Соловьева, т. III, стр. 229). К сожалению, мы забываем этот закон, не держим в памяти и грозных исторических примеров, которыми Господь сокрушал гордыню человеческую. Знаменитый русский историк В.О. Ключевский говорит, что знание истории должно иметь для нас практическую, прикладную цель. В противном случае «знание становится простым

балластом памяти, пригодным для ослабления житейской качки разве только пустому кораблю, который идет без настоящего ценного груза» (Курс русской истории, ч. 1, стр. 38). Прошлое учит нас уму-разуму, предостерегает от былых ошибок и промахов, направляет нас на верный спасительный путь. Но для современных людей, почувствовавших в себе «божескую» силу и способность «жизнетворчества», прошлого не существует. Они его с легким сердцем зачеркнули и начали строить свою Вавилонскую башню. Вспыхнувшая мировая война сильно ударила по этой башне, и она зашаталась. Многие из народов в тревоге за свою судьбу вспомнили о Боге. В первые месяцы войны храмы церковные наполнились богомольцами не только в России, стране, как думали, святой и благочестивой, но и во Франции, которую давно уже считают безбожной. Однако, скоро все пошло по-прежнему и даже еще хуже. Кровь опьянила людей, и они начали плясать и безумствовать у могил своих отцов и братьев. Россия была накануне гибели. Но вспыхнула революция. Появился луч надежды на будущее. Казалось, загорается новая заря светлой счастливой жизни человеческой. Радовались, ликовали, праздновали победу над темными силами, влекшими дотоле нашу несчастную родину в пропасть. Радость и торжество оказались однако преждевременными. Революция не вывела Россию на спасительную дорогу. В этот величайший в история Российского государства момент был забыт Бог. Именно с этого-то момента еще больше укрепилось в горделивых сердцах вождей народных сознание, что они спасители человечества от всех его несчастий и бед. Это сознание привело русский народ ко второй революции, после которой еще громче стали раздаваться уверенные и дерзновенные голоса о мире, о благе и счастии человечества. «Мы — боги, мы — спасители мира», — этот мотив слышится во всех речах, воззваниях, распоряжениях нового социал-большевистского правительства. Народ, упоенный революционными успехами, действительно поверил, что его привели к самым дверям земного рая, и стал вести себя, как и подобает земному богу, — поразбойнически и братоубийственно. Новые апостолы и вожди народа успели в короткий срок наводнить некогда благочестивую русскую страну новым евангелием и новыми призывами, переполненными мерзким кощунством и богохульством. Социалисты-революционеры выпустили «новую нагорную проповедь», в которой высмеивают евангельские блаженства, возвещенные Христом, и провозглашают свои блаженства. По учению этих людей, все блаженные по Христову Евангелию — несчастные люди: несчастны кроткие, несчастны алчущие и жаждущие правды, несчастны милостивые, несчастны и миротворцы. «Блаженны же те, которые не толкуют о мире, когда необходим отпор и не болтают лицемерно о возможности братства между волками и овцами. Блаженны, — провозглашает новое евангелие, — сеющие семена борьбы и восстания против зла, ибо они будут сынами правды!» (стр. 6—7). Новые боги делают даже прямой и смелый вызов Самому Небесному Богу. Богохульства их безумно ужасны (см. наприм. «Коммуна» №3, май 1917 г.; журн. «Сл. Церкви» 1917 г. №36; «Религиозная язва», стр. 7, 12, 28, 29 и др.). В этой дерзости человеческое безумие перешло все пределы. Земные боги потеряли всякую меру приличия и в своем кощунстве превзошли даже своего отца, которого кроткий Господь назвал «отцом лжи» (Иоан. 8, 44).

Но «не обманывайтесь! — предупреждает апостол Христов Павел, — Бог поругаем не бывает» (Галат. 6, 7). Апостол Петр. предсказывал, что явятся в мир лжеучители, которые «отвергаясь искупившего их Господа, навлекут сами на себя скорую погибель; и многие последуют их разврату, и чрез них путь истины будет в поношении. И из любостыжания будут уловлять лъстивыми словами: суд их давно готов, и погибель их не дремлет» (2 Петр. 2, 1—3); «они, как бессловесные животные, водимые природою, рожденные на уловление и истребление, злословя то, чего не понимают, в растлении своем истребятся» (ст. 12). «Это — сыны проклятья» (ст. 14). Они уже уничтожают друг друга и залили братской кровью всю русскую страну. Это самоистребление, конечно, нисколько не вразумило их, и они продолжают идти своей дорогой. Но надвинулось на них более ужасное бедствие, которое своим беспощадным и жестоким истреблением затмит все ужасы продолжительной войны и братоубийственной бойни. Мы говорим о голоде. «Верх всех человеческих бедствий —

голод, — говорит св. Василий Великий, — всякой смерти мучительнее такой конец. В других опасностях или острие меча наносит скорую смерть, или стремительность огня мгновенно угашает жизнь, или звери, растерзав зубами главные в жизненном устройстве члены, не дают мучиться продолжительною болезнью. Но голод есть медленное зло, продолжительное мучение, кроющаяся и таящаяся внутри смерть, каждую минуту угрожающая и все еще замедляющая». «Мучение голода нередко вынуждало многих преступать пределы естества, делало, что человек касался плоти ему единоплеменных, и что мать своего сына, которого произвела на свет из утробы, опять без милосердия принимала в утробу» (Твор. Василия В., час. IV, бес. 8, стр. 135—136). Говоря прямее, мучимые голодом матери убивали своих детей, жарили их и съедали. Таким необычайным бедствием «наказывается зло, преступившее меру». (Там же, стр. 146). Творимое современными богами зло действительно переступило всякую меру и заслуженно навлекло на них справедливый гнев Божий.

Господь много раз уже вразумлял непокорные народы этой мерой наказания. «Нет ничего нового под солнцем», — утвердительно заявляет библейский Екклесиаст (1, 9). Поражающие картины народных бедствий от голода рисует история ветхозаветных израильтян. Народ жестоковыйный, мятежный, израильтяне часто уклонялись от путей Господних и шли во след языческих богов. Особенно развратились иудеи после Иосии, своего царя. Они стали «кадить богине неба и возливать ей возлияния»; в самых подвалах храма иерусалимского были поставлены животные, и им возносились курения; даже во внутреннем дворе храма языческие жрецы молились языческому богу Ваалу. Боги в Иудее сделались столь же многочисленными, как и города. Нравственность народа пала, повсюду господствовал разврат, клятвопреступление, обман, гнусные пороки. Пророки Божии Иеремия, Варух, Аввакум всеми силами пророческого духа пытались вернуть народ к Богу. Но народ не каялся. И потоки зла все более распространялись по иудейской стране. Наконец, последовало наказание Божие, о котором предсказывали пророки, увещевавшие народ опомниться, оставить беззакония и преклониться пред велениями Истинного Бога. Иерусалим осадили многочисленные войска вавилонского царя Навуходоносора. Иудеи заперлись в городе и долго не сдавались. Между тем запасы продовольствия столицы становились все скуднее и скуднее, и скоро начала свирепствовать в осажденном городе страшная голодная смерть. Дома наполнялись трупами, много их валялось и на улицах и на площадях «священного» города. Погребать их было некому, они разлагались, производили удушливое зловоние и породили новое истребительное бедствие — моровую язву. Люди мерли, как мухи. Оставшиеся в живых похожи были на тени. Потрясающую картину бедствий города рисует пророк Иеремия. По площадям бегали жалкие, изможденные дети и плачевно кричали: «о, мать, дай нам хлеба и вина», и с отчаянным криком от истощения умирали на коленях своих матерей. Но ужаснее всего было то, что нежные любящие матери в этой крайней нужде налагали руки на своих собственных детей и приготавливали их себе в пищу, чтобы их мясом удовлетворить свой исступленный смертельный голод. «Умерщвляемые мечом, — говорит пророк Иеремия, — счастливее умерщвляемых голодом, потому что сии истаевают, поражаемые недостатком плодов полевых. Руки мягкосердых женщин варили детей своих, чтобы они были для них пищей во время гибели дщери народа моего. Совершил Господь гнев свой, — восклицает пророк, — излил ярость гнева своего и зажег на Сионе огонь, который пожрал основания его» (Плач Иеремии. 4, 9—11). Только этот яростный удар по беззаконному народу образумил его и заставил вспомнить о Боге и обо всех прежних Его милостях к нему.

Но прошли столетия после этого бедствия, и непостоянный иудейский народ позабыл о нем: начал опять жить беззаконно и нечестиво. Подпав под владычество Рима, иудеи мечтали скоро освободиться от него и создать свое всемирное царство, которое будет для иудеев раем. Богатая фантазия иудейских раввинов далеко превосходила радостные мечты о таком же земном рае современных социалистов. «Господь отмстит за нас полчищам Бога, — предсказывали раввины. — Тогда Израиль разделит сокровища народов между собою, — великий запас добычи и богатства, так что если между ними будут хромые и слепые, то и они

получат долю свою. В тот день, — предсказывали ветхозаветные мечтатели, — хлеб будет обильно расти даже на вершинах гор, и стебли злаков будут подобны пальмовым деревьям или колоннам. Но при этом не будет никакого затруднения в жатве, потому что Бог пошлет из Своих покоев ветер, который будет выдувать прямо белую муку из колосьев. Один колос пшеницы будет величиною в две почки самого огромного вола. Все деревья будут постоянно приносить плоды. Одна виноградная кисть будет наполнять собою целый корабль, и когда ее принесут домой, то вино из нее будет течь, как из бочки». О своей будущей столице этого сказочного царства раввины говорили, что она будет так велика, что покроет такое пространство, которое лошадь может обежать только от раннего утра до вечера. Дома в столичном городе будут строиться в пять верст вышиною. Страна вокруг него будет наполнена жемчугами и драгоценными камнями, и иудеи со всех стран света будут приходить сюда и брать из этих драгоценностей, сколько и что кому угодно (А.П. Лопухин «Библейская история», Новый Завет, стр. 126, изд. 1895 г.). Такому царству, несомненно, позавидуют и современные утописты, которым райская жизнь на земле также рисуется в виде сытой, беспечной и праздной жизни.

Но какую на самом деле получили иудеи жизнь вскоре после всех этих мечтаний о непрерывно текущем вине и необычайных колосьях пшеницы? Последующая история иудеев имеет поразительное сходство с тем, что происходит ныне в России и что неминуемо последует далее. Иудеи дождались, наконец, долгожданного Мессию, на Которого у них было так много надежд, и... распяли Его на кресте. Когда пред народом была выяснена полная невинность Христа, разъяренная толпа, предводительствуемая своими вождями, неистово требовала от Пилата: «распни Его, распни!» Представитель Римской власти уступил этому безумию тогдашних главарей. Пригвоздили к позорному столбу растерзанную, окровавленную, изуродованную Россию и современные мечтатели, долго ждавшие в подпольях социального рая. Разделили они и ризы ее по кусочкам, даже без метания жребия.

Иудеи были скоро наказаны за свое преступление. Иерусалим осадили римские легионы, и с ним повторилась та же история, что произошла при Навуходоносоре. Иудейский историк Иосиф Флавий так описывает бедствия Иерусалима в это время: «Богатым оставаться в то время в Иерусалиме значило все равно, что погибнуть, ибо каждого из них убивали под тем предлогом, что он хочет перебежать к неприятелю, на самом же деле за богатство. Вместе с голодом возрастало и неистовство мятежников, и как то, так и другое зло воспламенялось более и более со дня на день, хлеба тогда нигде не было на виду, поэтому мятежники врываются в дома, и обыскивали их; находя что-нибудь, они били владельцев за запирательство, а не находя, мучили их за ревностное скрывание. Признаком, есть ли у кого хлеб или нет, служили тела несчастных: кто был еще в силах, у того предполагали довольно пищи, а кто уже изнурен, того обходили, потому что безрассудно, казалось, убивать человека, который должен скоро умереть от голода. Многие тайно променивали свое имущество на одну кадку сыру, если были богаты, а когда бедны — на одну меру ячменя. Потом, запершись в сокровеннейшее место дома, некоторые от сильного голода ели немолотые зерна, другие же варили их, сколько позволяли нужда и опасение. Стола нигде не накрывали, но, вытащив из огня еще не совсем разварившийся ячмень, тотчас расхватывали его. То было питание жалкое, и зрелище достойное слез. Почти все забирали сильнейшие, а слабейшие жаловались. Голод заглушил все чувствования, но ничего не истребил до такой степени, как стыд; и то, что в другое время было предметом внимания, то теперь подверглось презрению: теперь из самого рта вырывали пищу — жены у мужей, дети у отцов и, что всего жалче, матери у младенцев. Малые увядали на их руках, а они без пощады отнимали у них капли жизни. И однако ж, вкушая такую пищу, не укрывались. Мятежники являлись везде и отнимали отнятое». Они убивали всех, кто удерживал пищу: не было пощады ни старикам, ни женщинам, ни детям. «Дети и юноши распухли и, блуждая по площадям, как привидения, падали, где кого настигала борьба со смертью». Погребать было некому, трупы валялись по городу неубранными; разлагаясь, они производили страшное зловоние и заражали самый воздух смертью. «Среди этих ужасов не слышно было ни стенаний, ни жалоб. Голод подавил

всякое чувство». Иосиф Флавий выражает сильное негодование по случаю действий в Иерусалиме мятежников, жаждавших до осады Иерусалима наслаждений земного рая. «Я думаю, что если бы римляне замедлили поражением нечестивцев, то город либо поглотила бы бездна, либо потопила бы вода, либо поразили бы содомские громы, потому что это поколение вышло гораздо безбожнее тех, которые подвергались сим казням». Несмотря на все поиски пищи, мятежникам приходилось все же и голодать: они «шатались и блуждали по городу и домам, как бешеные собаки, с разинутым ртом». Жители Иерусалима ели все, что попало, и когда все было истреблено, они «не совестились собирать и обращать в пищу то, чего не принимали самые нечистые из бессловесных животных»: грызли кожаные пояса, башмаки, разжевывали кожу со щитов, подбирали валявшиеся клочки старого сена. Наконец, стали есть людей. Матери закалывали своих родных детей и съедали их. «Вот какие казни постигли иудеев, — восклицает отец церковной истории Евсевий Памфил, — за их беззаконие и нечестие в отношении к Христу Божию!» Всех погибших в Иерусалиме во время осады Иосиф Флавий насчитывает более миллиона человек. Уцелевшие иудеи были по падении священного града умерщвлены римскими воинами, другие взяты в плен и отправлены в Египет на изнурительные каторжные работы (Евсевий, «Церковная История», стр. 110—118). Вместо рая с наслаждениями иудейские мечтатели получили ад с мучением. Не таков ли будет результат и ныне строящегося на земле социалистами всемирного рая? В драме Свенцицкого «Интеллигенция» один из героев-мечтателей говорит о будущей сладостной жизни в России: «Все ее несчастья исчезнут навсегда. Новое поколение русского народа нельзя будет узнать. Исчезнет и голод, и жестокость, и все его вековечные предрассудки» (стр. 30). Так в мечтах, а на деле — жестокости увеличились, народ озверел, совершаются убийства, разбои, насилия. Голод может быть будет спасением России от худших еще несчастий, он очистит страну от новых безрассудных богов.

«Бог не оставит безнаказанными богохульников», — заявляет премудрый Соломон (Прем. 1, 6). История свидетельствует, что действительно многие города и даже могущественнейшие государства пали вследствие своей разнузданности, развратной и позорной жизни своих жителей. Новейшие раскопки погибшего от извержений Везувия города Помпеи рассказывают постыднейшую картину гнусных пороков жителей этого второго Содома. «Среди этих постоянно бросающихся в глаза изображений безнравственной наготы в различных видах и разной величины (от 2/3 дюйма до 3 футов) на мостовой, на воротах, на стенах, на всех сосудах и утвари из бронзы, глины и красок, среди этих нескончаемых Приап (богов сладострастия), среди этой поистине ужасной языческой мерзости Содома и Гоморры, среди всех этих ужасов почти можно допустить, — говорит о Помпее один немецкий писатель, — что и пора было покрыть всю эту мерзость страшным действием вулкана, чистым покровом христианства. Ведь если (надеюсь, меня не заподозрят в пуританском ханжестве) так было в провинциальном римском городе, то каково же должно было быть в самом Риме, или в главных школах разврата, Коринфе и Александрии?!» (Хр. Лютарт. Апология Христианства, прилож., стр. 842). Безнравственность римских граждан так описывает римский философ Сенека. «Все исполнено пороков и преступлений, — горько сетует он, — их совершается больше, чем нежели может быть искуплено наказанием. Происходит состязание в разврате. День ото дня увеличивается склонность к пороку и уменьшается стыдливость. Всякое уважение к добру и справедливости исчезло, и желание наслаждений врывается повсюду. Порок уж больше не скрывается, а бесстыдно выставляется на глаза всеми; конечно, порок сделался настолько публичным и так сильно овладел нравами, что невинность стала уже не только редкостью, но и совсем нельзя ее встретить». В отчаянии от такой порочности людей Сенека утешает себя лишь тем, что мир человеческий когда-либо погибнет, тогда «и боги, — замечает он, — без различия, уйдут в смерть и мрак» (там же, стр. 844). Другого выхода им нельзя и придумать. Из древних славных и могущественных государств, удивлявших мир своей культурой и воинской силой, не сохранилось до нашего времени ни одного: все, они, как выражается апостол Петр, погибли «в растлении своем». Вслед за Израильским царством одно за другим пали: Ассирия, Вавилонское царство с

всемирно-знаменитыми столицами — Невеией и Вавилоном, Египетское, Индо-Персидское, Греческое, Македонское, Римское. Последнее разбилось на отдельные государства. Они вошли в новую историю самостоятельными и великими державами. Теперь наступила очередь их сокрушения и, может быть, гибели. Только великие государства Востока — Китай и Япония стоят загадочно нетронутыми в своем древнем величии. Но и им не избежать своего исторического рока. Весь мир неуклонно и безостановочно идет к гибели. Никакие изобретения земных богов не спасут его от этого печального конца. Великое Египетское царство не спасала от ужасов голода даже знаменитая Нильская житница, кормившая весь древний мир, если Господь посылал народам Египта наказание. Потрясающую картину голода в Египте, бывшего в 1196 г. нашей эры, описывает египетский историк Абу-Аллатиф. «Бедные египтяне, — говорит он, — угнетаемые голодом, который все более возрастал, ели всякую падаль, трупы собак, экскременты и помет животных. Некоторые шли еще дальше и ели своих маленьких детей. Не редкость было захватить семейство, наслаждавшееся едением жареных или вареных ребят... Я сам видел маленького изжаренного ребенка в корзинке. Когда бедняки начинали есть человеческое мясо, ужас и изумление, сопровождавшие подобные необычайные обеды, были таковы, что эти преступления становились предметом всеобщего разговора. Но впоследствии настолько все привыкли к этой отвратительной пище, что некоторые сделали из этого постоянную обычную для себя пищу, пиршествуя по-царски и даже делая запасы из нее. Настала ночь. Немного спустя после часа молитвы, совершающейся, когда только что солнце исчезнет с горизонта, одна молодая рабыня играла с недавно отнятым от груди ребеночком, принадлежавшим одному богатому семейству. Когда ребенок находился около нее, одна нищая схватила его в тот момент, как эта рабыня отвернулась от него, немедленно распоролла ему живот и тут же стала есть его сырое мясо. В Мисре немного дней спустя сжарили 30 женщин, из которых не было ни одной такой, которая бы не съела нескольких детей. Большею частью именно женщин захватывали на месте подобных преступлений, — обстоятельство, которое, на мой взгляд, доказывает, что женщины имеют менее ловкости, чем мужчины, и не могут с такою быстротою избегать и скрываться от розысков. Когда сожгли одного несчастного в убеждении, что он ел человеческое мясо, то на следующее же утро труп его оказался съеденным; его ели тем охотнее, что мясо его все было сжарено, так что не было надобности и варить его. Это зверство есть друг друга сделалось столь обычным среди бедных, что многие погибли таким именно образом. В одном котле находили по два и по три ребенка и даже более. Однажды нашли большой котел, в котором варилось десять рук, подобно тому, как варят бараньи ноги. Видели, как одна старая женщина ела маленького ребенка и оправдывалась тем, что это был сын ее дочери, а не чужой для нее мальчик, и что лучше ей съесть его самой, чем чтобы он был съеден другими. Сколько бедных погибло от истощения и голода, — заканчивает свою ужасную повесть Абу-Аллатиф, — об этом может знать один только Бог» (А.П. Лопухин. «Библейская История», Ветхий Завет. т. I, стр. 433, изд. 1889 г.). Очень может быть, что и русскому народу, отвернувшемуся от Бога, суждено испить такую же чашу гнева Божия. В России уже бывали подобные бедствия, когда русским людям приходилось питаться человеческим мясом. Под 1230 годом новгородский летописец говорит о голоде, свирепствовавшем во всей России, кроме Киева: Новгород весь разошелся, а также и вся волость Новгородская, и «наполнились, — повествует летописец, — чужие города и страны братьями нашими и сестрами; оставшиеся начали мереть; трупы лежали по улицам, младенцев грызли псы; ели мох, сосну, кору липовую, лист разный; некоторые из черни резали живых людей и ели; другие обрезывали мясо с трупов, иные ели лошадей, собак кошек. Преступников казнили, вешали, жгли; но встало другое зло: начали зажигать дома людей добрых, у которых чюяли рожь и грабили имения их; между родными не было жалости, сосед соседу не хотел отломить куска хлеба; отцы и матери отдавали своих детей из-за хлеба в рабство купцам иноземным; по улицам скорбь при виде трупов, лежащих без погребения, дома тоска при виде детей, плачущих по хлебу или умирающих с голоду». Трупы валялись по улицам Новгорода тысячами. Псковский летописец рассказывает об этом голоде

у себя в тех же чертах; его особенно поразило то, что в Великий пост люди ели конину. «Написал бы еще кой-о-чем похуже, да и так уже горько», — оканчивает он свой рассказ. В Смоленске выстроено было четыре скудельницы, в которых было положено 32,000 трупов. Так велика была гибель от голода!» («История России», С.М. Соловьева, кн. I, т. IV, гл. III, столб. 1219—1220). Еще более ужасными случаями людоедства сопровождался голод в России в царствование Бориса Годунова в 1601 г. «В этом году люди еще кормились с нуждою старым хлебом и что собрали нового. Новым же хлебом посеяли, но он весь погиб в земле, и тогда-то сделался голод: купить стало негде, отцы покидали детей, мужья — жен, мерли люди, как никогда от морового поветрия не мерли. Видали людей, которые валялись по улицам, щипали траву, подобно скоту, зимою ели сено; у мертвых находили во рту вместе с навозом человеческий кал; отцы и матери ели детей, дети — родителей, хозяева — гостей, мясо человеческое продавалось на рынках за говяжье, в пирогах; путешественники боялись останавливаться в гостиницах». В одной Москве погибло в это время около 500.000 человек. К голоду присоединилось моровое поветрие, холера; затем последовали разбои: люди, спасшиеся от голодной смерти, составляли шайки, чтобы вооруженной рукою кормиться на счет других (в той же Истории, кн. II, т. VIII, гл. II, столб. 740—741).

В такие несчастные годы русские люди обращались с горячей молитвой к Богу, очищались от грехов своих, становились лучше, добродетельнее, и Бог, посетивший «жезлом беззакония и ранами неправды их», посылал им снова милость Свою и покровительство. Россия очень скоро оправлялась и начинала расцветать.

В наше время нет надежды на народное отрезвление и покаяние. Несмотря на переживаемые Россией бедствия и полную гибель, народ русский и в городах, и в селах живет языческой жизнью. В городах, особенно в столицах, все места увеселений и разгула переполнены народом: билеты в театры, кинематографы, иллюзионы берутся нарасхват. Рестораны, трактиры, кафе-шантаны шумят, как пчелиный рой, веселящимся народом. В селах и деревнях растет пьянство с небывалой еще быстротой и в ужасающих размерах: чуть ли не в каждом крестьянском доме идет гонка самодельной водки. Растет в губительной степени и разврат во всех его видах. Укрепляется в России безбожие и язычество. Из некогда святой страны Россия превратилась в скверную. И не на наших глазах началось это превращение: со времени Петра и даже раньше — со времени Никона началось ее растление. Теперешнее ее состояние — результат прежних операций над нею. Большевики, меньшевики, да и все остальные дельцы нашего времени есть плоды старого многоветвистого дерева, которому минуло уже более 250 лет. Все теперешние бедствия нашей родины мало вдумчивые обвинители сваливают на одних только большевиков и даже на одних их вождей: Ленина, Бронштейна, Каменева и проч., точно эти господа — великие чудотворцы, которым стоило только сказать магические слова о земном рае, как вся Россия полетела в пропасть. Ленины и Нахамкесы, Луначарские и Бонч-Бруевичи столько же повинны в теперешнем бесновании России, сколько и все остальные ее граждане. Римский философ-поэт Сенека, слова которого мы привели выше, имел мужество сказать: «Зачем скрывать под мягкими выражениями всеобщую немощь? Все мы порочны. Что один порицает в другом, то он всегда может найти и в своем собственном сердце. Нечестиво живем мы среди нечестивых» (у Лютарта, стр. 844). Социалисты нашего времени, — говорит о них Хр. Э. Лютарт, — «составляют бич в руке Божией, чтобы напомнить обществу о его грехах и призвать его к покаянию. Если общество не сознает этого, то оно погибнет, и социальная демократия отпразднует его гибель своей похоронной пляской». «Новейший социализм есть прямое возмездие за все предшествующие преступления общества» (там же, стр. 651 и 652). Признаков покаяния России не видно. И если его не последует в ближайшем времени, то России грозит та же участь, какая постигла былые великие империи. Или Господу Богу угодно будет, истребив наличное поколение России, обновить ее новым грядущим потомством, чистым от грехов и пороков своих родителей. Господь ввел израильтян в землю обетованную не прежде, как очистив их 40-летним скитанием по Синайской пустыне от всех рожденных в Египте. Если в России с такою же быстротою будут развиваться очистительные

средства гнева Божия, с какой разлился по всей России большевизм, то 40-летнего периода не потребуется для совершенного обновления России. Господь в силах сделать спасительное очищение в гораздо меньший срок. Нечестивые будут уничтожены, а праведные помилованы. «Надежда нечестивых, — провозглашает премудрый Соломон, — исчезает, как прах, уносимый ветром, и как тонкий иней, разносимый бурей, и как дым, рассеиваемый ветром, и проходит, как память об однодневном посте. А праведные живут во веки; награда их в Господе и попечение о них — у Вышнего» (Прем. 5, 14—15). И апостол Петр вторит: «очи Господа обращены к праведным и уши Его к молитве их, но лице Господне против делающих зло, чтобы истребить их с земли» (1 Петр. 3, 12).

Θ.

Ж. Голос Церкви. М., 1918 №5 С.247-258.